

Когда Цзян Ту спустился к подножию пика Плывущих Облаков, Чэн Жан уже ждал его у Лестницы Долголетия.

— Прости, что заставил ждать, — сказал Цзян Ту, искоса взглянув на сияющего Е Хуая за своей спиной.

Юноша собрал длинные волосы в высокий пышный хвост, щегольски закрепив его серебряной заколкой, которая ярко блестела на солнце.

С этим еще можно было смириться, но, опустив взгляд ниже, Цзян Ту заметил, что тот снял наручи. Обнаженные запястья теперь украшал браслет Циляня, покачивающийся при каждом движении.

Перед выходом Цзян Ту поинтересовался этим, на что получил ответ, будто погода разгулялась и в наручах жарко.

«Осенняя прохлада вовсе берет свое, откуда взяться жару?» — подумал Цзян Ту, но придирается по мелочам не стал.

Теперь же стало ясно, что все это было спланировано заранее.

Е Хуай сложил ладони в приветствии столь размашисто, что едва не ткнул запястьем Чэн Жану в лицо:

— Приветствую, глава ордена.

Чэн Жан отступил на шаг:

— О, впервые вижу этот браслет. Весьма... необычный.

В его голове вихрем закрутились мысли:

«Это действительно цилинь? Вроде и уши на месте, и нос... Но как можно было вылепить мифического зверя настолько абстрактно?»

Е Хуай, который только и жаждал похвастаться, остался крайне доволен такой реакцией:

— Глава тоже так думает? Это подарок учителя на мой день рождения.

Чэн Жан едва не поперхнулся. Хорошо, что он придержал язык и не высказал свои мысли вслух. Кто бы мог подумать, что всемогущий старейшина Цзян потерпит сокрушительное

поражение в битве с куском глины? А у этого мальчишки Е Хуая, похоже, тоже беда со вкусом...

Чэн Жан выжал из себя самую искреннюю улыбку, на которую был способен:

— Ваши узы с уважаемым старейшиной Цзяном и впрямь крепки.

Е Хуай так и просиял, сощутив глаза от удовольствия:

— Учитель невероятно добр ко мне.

Видя, что этот хвастливый разговор грозит затянуться, Цзян Ту легонько шлепнул ученика по затылку:

— Умерь пыл.

Затем повернулся к Чэн Жану:

— Идем.

На церемонию Восстановления Небес от ордена Прихода и Ухода отправлялись трое старейшин, включая Цзян Ту, десятка два учеников, а также...

Цзян Ту удивленно приподнял бровь:

— А ты что здесь делаешь?

Байцзэ потянулся, лениво зевнув:

— Я ведь ваш лекарь. Как я могу пропустить такое?

— Ясно, — безучастно отозвался Цзян Ту. — И Чэн Жан не против?

Байцзэ шутливо погрозил кулаком:

— Пусть только попробует отказаться.

Цзян Ту отвел взгляд, мысленно упрекнув себя за излишнее любопытство. Спрашивать было бессмысленно.

Вся процессия шумно двинулась вверх по Лестнице Долголетия.

Путь из Среднего царства в Верхнее оказался куда круче и опаснее, чем подъем из Нижнего. Для Цзян Ту это восхождение не представляло трудности, однако свирепый ветер и ревущие потоки воздуха нещадно трепали его полы и спутывали длинные волосы.

Вдруг перед ним соткался полупрозрачный защитный барьер. Свист урагана и давящая тяжесть исчезли, а качка сменилась абсолютным покоем.

Е Хуай повернулся к нему. Он не жалел духовных сил ради короткого подъема и мягко улыбался:

— Учитель, здесь слишком ветрено.

Цзян Ту молча кивнул и принялся поправлять сбившиеся одежды.

Вскоре Лестница Долголетия вывела их в Верхнее царство. Прежний хрупкий мальчик, которого когда-то тошнило от бешеной скачки по ступеням, теперь стоял твердо, не поведя и бровью.

Шагнув вперед, Е Хуай почтительно склонился и протянул руку:

— Учитель, обопритесь на меня.

Хоть Цзян Ту и считал это излишним, он все же опустил ладонь на его руку и сошел на твердую землю.

В глазах юноши вспыхнула радость. Он слегка сжал холодные пальцы наставника, за что тут же удостоился недоуменного взгляда.

— На горе Просветленного Сердца правила строже, чем у нас. Веди себя скромнее и не высывайся, — негромко напутствовал его Цзян Ту, осматриваясь по сторонам.

На церемонию Восстановления Небес съехались все великие кланы и ордена уезда Наньту. Поблизости раскрывались разноцветные пространственные врата, из которых один за другим выходили заклинатели Среднего царства.

Пока другие прибыли на роскошных паланкинах и парящих кораблях, орден Прихода и Ухода просто выплонуло из завихрения стихий. Шумное приземление заставило многих обернуться.

— О, никак сам глава Чэн пожаловал! — раздался ядовитый голос неподалеку. — Верно, орден

Прихода и Ухода в последний раз на этой церемонии? Еще года два, и вас с позором вычеркнут из реестра бессмертных.

Цзян Ту обернулся. На Чэн Жана как раз навалился кубарем вылетевший из прохода Байцзэ. Оба крихтели и потирали ушибленные места, пропустив оскорбление мимо ушей.

Остальные адепты их ордена благоразумно отвели глаза, притворяясь глухими.

Цзян Ту не собирался ввязываться в дразги и спокойно ждал в стороне вместе с Е Хуаем.

Однако говоривший, разозленный тем, что его проигнорировали, огляделся и сквозь пеструю толпу заметил Цзян Ту. Его глаза хищно блеснули, и он выкрикнул на всю площадь:

— Я признал тебя! Это ведь ты тогда отобрал у нас сосуд для парного совершенствования! Как вообще у Чэн Жана хватило наглости притащить тебя сюда? Не боитесь осквернить порог горы Просветленного Сердца? Где тот сосуд? Куда ты его спрятал?

Цзян Ту со вздохом потер висок. Почему любой спор в последнее время неизменно сводился к его скромной персоне? Пришлось поднять взгляд. Слегка прищурившись, он оглядел крикуна и холодно спросил:

— Напомните, с кем имею честь говорить?

Лицо казалось смутно знакомым, но память отказывалась выдавать имя.

Наглец, однако, отступать не собирался:

— Притворяешься, что не узнаешь? Думаешь, так просто отделаться?

Цзян Ту нахмурился. Упрямство собеседника раздражало. Будь они в другом месте, он бы прошел мимо, но на священной территории горы Просветленного Сердца приходилось соблюдать приличия.

— Я не держу в голове имена пустых людей, — спокойно ответил он. — Но если вы желаете побеседовать о прошлом, то почему боитесь назваться?

К ордену Прихода и Ухода и без того было приковано всеобщее внимание, так что вокруг быстро собрались любопытные. Вскоре подоспели и соученики крикуна — образовалась целая стена из людей, будто намечался кулачный бой.

Оскорбленный словом «пустой», заклинатель побагровел от ярости:

— Да как ты смеешь унижать меня при всех?! Орден Стремительного Ветра еще не извелся под корень, чтобы терпеть такое!

«Ах, Стремительный Ветер...» — вспомнил Цзян Ту, и интерес к беседе у него мгновенно пропал.

— Опять вы?

Три года назад, когда он официально стал старейшиной, их притязания на Е Хуая потеряли всякую законную силу, и дело замяли. Цзян Ту уже и думать о них забыл, но эти настырные призраки прошлого возникли вновь.

Он окинул мужчину оценивающим взглядом:

— Постойте... Это ведь вы пытались напасть на меня со спины? Мои глубочайшие извинения. В тот день я не рассчитал силу и случайно выбил вам пару передних зубов. Надеюсь, за три года вам удалось их вставить?

Стоявший рядом Е Хуай прыснул в кулак. Цзян Ту строго зыркнул на него, и юноша тут же поспешно зажал нос, делая вид, что разглядывает пыль под ногами.

— Ты!.. — Заклинатель из Стремительного Ветра задохнулся от злобы, но воспоминания о сокрушительном ударе, лишившем его зубов, все еще были слишком свежи. Не решаясь броситься в драку, он вперил взгляд в пояс противника, где висел нефритовый жетон.

И тут же ошарашенно выдохнул:

— Третья ступень... Великий круг?

При этих словах толпа зашумела. Даже главы иных средних орденов не всегда достигали пика третьей ступени! Неужели упадочный орден Прихода и Ухода скрывал у себя такого мастера?

Но уязвленное самолюбие оппонента требовало реванша:

— Три года назад я уступил тебе лишь из-за досадной случайности! Тогда ты едва перешагнул порог второй ступени. Как можно за три года совершить такой невероятный скачок? Твой жетон наверняка фальшивый! Эй, пусть господа с горы Просветленного Сердца проверят этого обманщика!

На площади повисла тишина. Цзян Ту промолчал, недовольно опустив уголки губ. Что ж, в одном этот крикун был прав — его жетон действительно являлся фальшивкой.

Его истинные силы давно превосходили пределы третьей ступени, но об этом знали лишь единицы. Чтобы не привлекать лишнего внимания, Цзян Ту просто наполнил нефрит силой, соответствующей пику третьей ступени, отчего тот постоянно светился лазурью с легким янтарным отливом.

Издалека обман не бросался в глаза, но при тщательной проверке обман бы мгновенно раскрылся.

В мире заклинателей хватало тщеславных глупцов, подделывавших жетоны ради почета. Со временем Верхнее царство ввело строжайший запрет на подобные махинации: виновных лишали всех духовных сил и навечно изгоняли в Нижнее царство.

Взгляд Цзян Ту заледенел. Но его молчание лишь раззадорило противника:

— Что, язык проглотил? Сказать нечего? Ага, струсил! Ну погоди, я сейчас же позову господина Ци...

— Позвольте, — высокий юноша, до сих пор скромно стоявший за спиной Цзян Ту, сделал шаг вперед и изящно поклонился. — Младший Е Хуай приветствует почтенных мастеров ордена Стремительного Ветра.

— А ты еще кто такой? — буркнул заклинатель. Перед ним стоял совсем молодой парень, однако в груди у мужчины противно заныло, словно на него из чащи уставился хищный зверь.

Е Хуай же продолжал мягко, обезоруживающе улыбаться:

— Никто особенный. Просто я не могу позволить вам оскорблять моего почтенного учителя.

Лицо заклинателя исказилось:

— Он твой учитель? А-а, так ты и есть тот самый сосуд! Надо же, прошло три года, и какая-то жалкая вещь для утех смеет подавать голос? Где твои манеры, щенок?

В толпе зашептались. Никому не было дела до грубости нападавшего — все взгляды сошлись на юноше с редким, манящим телом сосуда.

Е Хуай спокойно выдержал эти липкие взгляды и покачал головой:

— Уважаемый старейшина слишком забывчив. Мое имя — Е Хуай, второе имя — Фэнчжуй. Я первый ученик старейшины Цзян Ту из ордена Прихода и Ухода, а вовсе не сосуд. Пожалуйста, запомните это раз и навсегда.

— Ты мне угрожаешь? — расхохотался тот. — Да кто ты такой, чтобы раскрывать рот передо мной? Я достиг пика второй ступени, в отличие от твоего фальшивого учителя! Ученик? Три года назад у тебя и капли духовных сил не водилось. Тебе вовек не нагнать тех, кто встал на путь дао с малых лет. И ты еще смеешь здесь твякать?

Е Хуай не выказал и тени гнева. Его улыбка стала лишь шире:

— Вот как?

Цзян Ту искоса глянул на ученика. Тот, улучив момент, обернулся и озорно показал ему кончик языка. Цзян Ту вздохнул и отвел взгляд. Он прекрасно понимал, что сейчас произойдет.

В следующий миг ослепительный луч меча вспорол воздух, устремляясь прямо к горлу обидчика! Сияние было ярким, как полуденное солнце, а ярость удара напоминала бросок голодного зверя. Окружающим на мгновение показалось, будто взревело древнее чудовище, но это был лишь чистый, грозный звон клинка.

Волна убийственной ауры хлынула вперед. Заклинатель из Стремительного Ветра оцепенел, не в силах сдвинуться с места. Если бы этот удар достиг цели, от него не осталось бы и мокрого места.

Когда зрители уже приготовились увидеть кровавую расправу прямо у входа в священную обитель, смертоносная сила замерла. Острие остановилось в волоске от лица мужчины. Яростный порыв ветра мгновенно утих, рассыпавшись безвредными искрами.

Е Хуай с тихим щелчком вернул меч в ножны:

— Ваша правда, почтенный старейшина. Ваше мастерство неоспоримо, мне до вас далеко.

Он будто бы случайно поправил полы одежд, открывая взору нефритовый жетон на поясе. Камень сиял глубоким лазурным цветом, чистым, как осеннее небо.

Третья ступень.

По толпе прокатился вздох изумления.

Те, кто еще минуту назад похотливо разглядывал юношу, поспешно отвели глаза, боясь привлечь его внимание.

Е Хуай же, не отрывая взгляда от бледного как полотно обидчика, добавил:

— И своими скромными успехами я всецело обязан мудрому руководству моего учителя.

Учитель всегда говорил ему: дело вернее слова. Вместо того чтобы доказывать подлинность чужого жетона, проще одним ударом заставить всех замолчать. И это сработало. Никто больше не смел сомневаться. За три года достичь третьей ступени... Настоящий самородок! И разве мог бездарный обманщик вырастить подобного гения?

Поняв, что конфликт исчерпан, Цзян Ту решил изящно подвести черту. Он вежливо поклонился противникам:

— Е Хуай преувеличивает мои заслуги. Мой орден еще не успел должным образом отблагодарить вас за все ваши заботы в прошлом. Но уверяю, в будущем мы непременно вернем этот долг сполна.

Говорил он спокойно, с легкой полуулыбкой на губах, выказывая редкое изящество манер, словно и впрямь сыпал благодарностями.

Лица членов ордена Стремительного Ветра вытянулись. Это же чистой воды угроза! Облечь смертельную опасность в столь изысканные слова... Да уж, хороша парочка, ничего не скажешь.

Не обращая внимания на их перекошенные от злости физиономии, Цзян Ту сухо бросил:

— Позвольте откланяться.

Он крепко схватил Е Хуая за руку и потянул за собой.

Юноша покорно семенил следом, слегка покачиваясь:

— Учитель, теперь они точно к нам не сунутся... Учитель, полегче, больно же... Учитель...

Отойдя в безлюдный переулок, Цзян Ту резко остановился и развернулся. Е Хуай едва не врезался в него грудью. Повстречавшись с ледяным взглядом удлинённых глаз наставника, он мысленно поджал воображаемый хвост. Горло сжалось от волнения.

Он слишком хорошо знал это выражение лица. Внешнее спокойствие учителя предвещало скорую и страшную бурю.

— Что ж, Е Фэнчжуй, признаю — ты превзошел сам себя, — негромко произнес Цзян Ту. Хотя он и был чуть ниже ученика, его холодная властность заставляла того сжиматься.

Е Хуай испуганно захлопал ресницами и торопливо прикрыл ладонью жетон на поясе, пытаясь спрятать его от греха подальше.

Цзян Ту ядовито усмехнулся. «Теперь-то ты испугался, глупый цилинь».

— О чем я предупреждал тебя перед уходом?

На кончике носа юноши выступила капелька пота:

—... Не высовываться.

«Но ведь эти ничтожества оскорбляли вас!»

Цзян Ту прекрасно читал его мысли по упрямому взгляду:

— Я понимаю твой гнев. Но у нас и так натянутые отношения со Стремительным Ветром. Они тебя даже не узнали сначала, а ты сам прыгнул в пекло.

Капля пота сорвалась с его носа и исчезла в пыли. Е Хуай виновато опустил голову:

— Учитель, я не хотел... Простите, что доставил вам хлопот...

— Ты создаешь проблемы в первую очередь себе, — отрезал Цзян Ту.

Он резко вскинул руку, посылая в сторону мощный заряд духовной силы. Алый луч, подобно стреле, прошил густую крону старого дерева.

— Считаешь себя всевидящим? А то, что за нами следят, ты тоже упустил? — холодно спросил Цзян Ту.

Е Хуай мгновенно подобрался, его зрачки сузились до щелок, а в ладонях заискрилась готовая к бою энергия.

Из глубокой тени ветвей показалась невысокая, хрупкая фигура. Молодой человек в богатых одеждах горы Просветленного Сердца прижимал к груди какой-то сверток. Его голос дрожал от ужаса:

— Я... я не хотел... под-подслушивать... Нет, клянусь, я не слушал! Я просто... спасал кошку...

Из его рук действительно донеслось тихое мяуканье. В следующую секунду черный как уголь

кот с горящими зелеными глазами взлетел парню на плечо, выгнул спину дугой и грозно зашипел на незваных гостей.

Почувствовав угрозу, Е Хуай инстинктивно заслонил собой наставника. Его зрачки превратились в вертикальные щели, а взгляд обещал нарушителю скорую смерть.

Юноша поспешно стащил кота с плеча и принялся судорожно гладить его по спине, пытаясь успокоить:

— Тише, Сюэлянь, не бойся... Нам никто не причинит вреда, успокойся, хороший мой...

Затем он принялся мелко кланяться Цзян Ту:

— П-простите... Сюэлянь просто пугливый... Он не укусит, честное слово, не укусит...

«С животным говорит без запинки, а перед людьми заикается», — подметил про себя Цзян Ту. Опустив взгляд на его одеяние, он спросил:

— Ты из учеников горы Просветленного Сердца?

Ему уже доводилось видеть роскошные шелка этого ордена, расшитые золотом и серебром. Но на этом юноше дорогая ткань смотрелась как тряпка, наброшенная на изящную статуэтку. От него веяло слабостью. Сила его едва достигала поздней стадии первой ступени, а нефрит на поясе казался чернее шерсти его питомца.

На горе Просветленного Сердца, питаемой мощнейшей духовной жилой, подобная немощ казалась невозможной. Как говорится, при сильном ветре и свинья полетит: талант определяет вершину мастерства, но обилие духовной энергии гарантирует прочный фундамент. Именно поэтому ордена так отчаянно дрались за места в реестре. Даже самый бездарный ученик при здешней концентрации ци должен был подняться хотя бы до второй ступени. Если только у него не было абсолютной непереносимости духовных сил.

Юноша помялся, пряча глаза, и едва слышно пролепетал:

— Да... я... Меня зовут Ци... Ци Лунси. Я из местных... с горы.

«Ци?» — Цзян Ту мысленно приподнял бровь. Прямые потомки основателей горы Просветленного Сердца носили именно эту фамилию. Значит, перед ним член правящего клана. Тем опаснее оставлять его свидетелем.

Цзян Ту медленно приблизился к Ци Лунси. На его лице играла мягкая улыбка, не затрагивавшая, впрочем, холодных глаз:

— Мы равны перед Дао, молодой господин, к чему эта робость? Полагаю, вы ведь ничего не слышали из нашего разговора, верно?

Ци Лунси робко поднял взгляд. Глаза собеседника приковали его внимание: в них, словно падающая звезда в ночном небе, промелькнула алая искра. Разум юноши мгновенно затуманился:

— Я... я...

Черный кот на его руках истошно взвизгнул. Ци Лунси вздрогнул и принялся гладить животное по загривку:

— Сюэлянь, тише... Все хорошо...

Цзян Ту протянул руку и ласково коснулся макушки кота:

— Славный зверь. Шерсть лоснится, ухоженный.

Ци Лунси застенчиво улыбнулся. Цзян Ту же, наклонившись к самому уху кота, прошептал одними губами:

— Я не причиню ему вреда. Но если попробуешь выкинуть что-то — пеняй на себя.

Хвост кота мгновенно вздыбился. Он крепче обвил лапами запястье хозяина и спрятал мордочку в сгибе его локтя.

Цзян Ту удовлетворенно выпрямился и вновь посмотрел в затуманенные глаза юноши:

— Сделай вперед тысячу шагов. После этого ты забудешь все, что здесь произошло.

Взгляд Ци Лунси остекленел. словно бездушный манекен, он развернулся и ровной, деревянной походкой направился прочь.

Когда тот поравнялся с Е Хуаем, юноша быстро подошел к наставнику:

— Учитель, этот кот...

— Знаю, — Цзян Ту проводил взглядом удаляющуюся фигуру. Он слегка сжал пальцы, и остатки черного дыхания скверны осыпались прахом на землю. — Тайны великих кланов нас не касаются.

Е Хуай ошеломленно замолчал, проглотив готовое сорваться с языка слово «призрачный зверь». Кто-то осмелился держать нечисть прямо в священной обители? И делать это столь открыто?

Цзян Ту угадал его мысли:

— Тварь слишком слаба. В месте, где ци бьет ключом, ее скверна растворяется без следа.

Как капля чернил в безбрежном океане — бурные волны скрывают ее мгновенно. Самое опасное место порой оказывается самым надежным убежищем.

— А этот Ци Лунси не так прост, раз отважился на подобное, — пробормотал Е Хуай, послушно выкидывая эту историю из головы.

Цзян Ту оправил рукава:

— Пойдем в зал собраний.

Перед началом церемонии все ордена обязаны были явиться туда, чтобы выслушать напутствие главы священной горы. Е Хуай облегченно вздохнул.

Появление странного юноши с котом прервало назревавшую выволочку, и ему, похоже, удалось выйти сухим из воды.

Однако Цзян Ту тихо обронил:

— Вечером мы продолжим этот разговор.

Е Хуай виновато захлопал глазами и осторожно потянул учителя за край рукава:

— Учитель... Я больше никогда так не поступлю...

— Никогда? — Цзян Ту ядовито усмехнулся. — А когда ты мерился взглядами с тем черным кошаком, смелости тебе было не занимать.

Юноша поник, хотя в душе у него затеплилась радость: значит, даже во время разговора с чужаком учитель не упускал его из виду. Одолеваемый противоречивыми чувствами, он шагал следом, вдыхая тонкий, холодный аромат цветов, исходящий от одежд Цзян Ту. Внезапно по его спине пробежала странная дрожь, а внизу живота разлилось мимолетное тепло. Но ощущение тут же пропало без следа.

Зал собраний встретил их гулом голосов. Орден Прихода и Ухода, плетущийся в самом конце реестра, по правилам мог рассчитывать лишь на места у самого входа. К счастью, трибуны располагались уступами, и происходящее на помосте было отлично видно отовсюду.

Впрочем, и те, кто стоял на возвышении, тоже могли видеть каждого. Слухи о стычке у входа уже долетели до ушей хозяев горы, и Цзян Ту кожей чувствовал направленный на него тяжелый, испытующий взгляд.

С трибуны донесся зычный голос:

— Раз уж вы находитесь под покровительством нашей горы Просветленного Сердца, вам надлежит помнить о долге служения. Истинный вассал обязан являть покорность и верность...

— Именно благодаря нашей щедрости вы получили право зваться орденами Среднего царства и делить с нами духовные жилы. Не уподобляйтесь тем неблагодарным ничтожествам, что, получив крохи с барского стола, возомнили себя равными нам...

В обычное время это сочли бы за дежурную речь высокомерного господина, но яд, сочившийся в сторону Цзян Ту с каждым брошенным взглядом, не оставлял сомнений в том, кому предназначались эти колкости.

Он жестом велел Е Хуаю отступить и спокойно, без тени страха, встретил этот взгляд.

Оратор на помосте явно не ожидал такой дерзости — его голос на секунду прервался. Цзян Ту воспользовался заминкой, чтобы рассмотреть его. Этот человек казался куда более знакомым, нежели давешний крикун из Стремительного Ветра. Особенно эта спесивая, надменная осанка.

Цзян Ту склонился к Чэн Жану:

— Второй молодой господин Ци?

Чэн Жан угрюмо кивнул:

— Он самый, Ци Чжао, второй сын нынешнего главы клана. Мерзавец ни капли не изменился. Клянусь, ему бы только волю дай — он бы прямо с трибуны назвал нас псами.

Цзян Ту лишь равнодушно пожал плечами:

— Пока имена не названы, это сотрясение воздуха нас не касается.

В конце концов, нападать на маленький орден при всем честном народе — позор в первую

очередь для самой горы Просветленного Сердца.

Ци Чжао, не дождавшись ответа, умерил пыл и перешел к делу: огласил порядок проведения церемонии и распределил гостевые покои.

Цзян Ту внимательно слушал, отсеивая хвостовство и запоминая суть.

До начала главного ритуала должны были пройти личные поединки учеников и групповые сражения между орденами. Их результаты напрямую влияли на положение кланов в реестре бессмертных.

Поэтому средние ордена притащили с собой всех, кто хоть как-то умел держать меч, из-за чего Гора Просветленного Сердца теперь напоминала растревоженный муравейник.

Орден Прихода и Ухода, следуя древним заветам, никогда не гнался за численностью. Их горстка адептов, затерянная среди многолюдных делегаций, выглядела жалко и сиротливо.

В условиях жесткой борьбы многие открыто смеялись над ними, считая их присутствие здесь чистой формальностью.

Пустые суждения недалеких людей. Цзян Ту за три года успел убедиться: каждый их ученик стоил десятка чужих посредственностей. Пусть в командном зачете им не хватало людей, но в одиночных боях они вполне могли побороться за победу.

Ци Чжао зачитал правила: честный бой, никакого смертоубийства и прочие банальности. Цзян Ту уже приготовился уйти, когда оратор резко сменил тему.

— Мы все — хранители великого наследия. Ныне, когда земли задыхаются от скверны, наш долг — сплотиться и выстоять под общим знаменем.

— Мы ни в коем случае не должны... — Ци Чжао сорвался на крик, —...уподобляться презренному грешнику Яосюаню и его прихвостням, чья ненасытная алчность едва не ввергла мир смертных в пучину небытия!

Словно по сигналу, толпа взорвалась неистовыми криками. Сотни рук взметнулись вверх:

— Смерть предателю Яосюаню!

— Бешеному псу нет прощения!

— Священная гора, покарай нечестивца!

Яростный рев сотен глоток слился в единый, сокрушительный гул, напоминающий грохот наступающей конницы.

Цзян Ту огляделся. Чэн Жан и его люди не кричали, но послушно склонили головы в знак почтения.

В бушующем море склоненных спин лишь они с Е Хуаем оставались стоять во весь рост. Ученик ждал решения наставника.

Великие ордена склонились ниц, умоляя о возмездии.

Кем на самом деле был этот Яосюань — тайна, покрытая мраком. Ходили лишь слухи, будто он пытался единолично завладеть всеми духовными жилами земли, за что и был казнен союзом Семи Священных Гор. Его душу рассеяли без остатка, лишив права на перерождение.

Однако ненависть к нему не угасла с веками. Напротив, по мере иссякания духовных сил в мире, она лишь крепла и становилась все яростнее.

Цзян Ту не собирался испытывать терпение хозяев и слегка подтолкнул ученика в спину:

— Склонись.

Под его ладонью парень весь напрягся, но послушно согнулся в глубоком поклоне, пряча покрасневшее лицо в тени одежд.

Прижав ученика к земле, Цзян Ту и сам склонил голову, гадая про себя: как именно они собираются наказать того, кто давно обратился в ничто?

Когда над залом повисла мертвая тишина покорности, Ци Чжао торжествующе провозгласил:

— Да будет так! Внимая воле сотен орденов, гора Просветленного Сердца сегодня совершит казнь над тенью предателя Яосюаня в назидание всем живущим!

— Слава и хвала Священной горе! — эхом отозвался зал.

Удовлетворенный Ци Чжао кивнул, отступил назад и опустился на одно колено:

— Прошу уважаемого главу ордена свершить правосудие.

Присутствующие подняли головы. На пустом помосте медленно соткался призрачный силуэт.

Это было не живое тело, а лишь проекция духа, но даже от нее исходила столь сокрушительная мощь, что у многих перехватило дыхание. Сила, омывшая зал, напоминала взмах крыльев великой птицы Рух. Пред ними предстал сам бессмертный владыка Куньянь — великий мастер, стоявший на вершине земного пути и готовый вот-вот воспарить к небесам.

Величественный, старческий голос зазвучал под сводами зала:

— Мое истинное тело пребывает в уединении. Прошу простить, что встречаю вас лишь духом.

Толпа поспешно забормотала слова смирения. Если одна лишь тень заставляла колени дрожать, то какова же мощь самого патриарха?

Владыка Куньянь мягко улыбнулся:

— Триста лет я храню покой этих мест, приняв власть из рук предков. И по сей день воспоминания о безумии Яосюаня заставляют мое сердце обливаться кровью от скорби по невинно убиенным.

— Милосердный патриарх! — дружно воскликнул зал.

— Молодое поколение не должно забывать о корнях и о тех, кто принес нам столько горя. Ваше единодушие радует мое старое сердце... Кхе-кхе...

Призрак владыки взмахнул рукавом, и рядом возникла еще одна фигура. Это был размытый силуэт статного молодого мужчины. Черты его лица тонули в тумане.

Но зрителям этого хватило, чтобы вновь взвыть от ненависти:

— Убей его! Смерть Яосюаню! Покарать ублюдка!

Голос бессмертного владыки загремел подобно раскату грома:

— Предатель Яосюань, посягнувший на святыни и проливший реки крови, лишается права на пощаду... Да обратится память о нем в прах!

Зал одобрительно взревел. В тот же миг в руках старца соткался ливень призрачных стрел. С тихим свистом они сорвались с тетивы и обрушились на неподвижную фигуру, пронзая ее насквозь.

И ровно в эту секунду стоявший рядом Е Хуай глухо вскрикнул, и его тело свело дикой, безумной судорогой!

Боль была такой, словно кость Циляня заживо выдирали из его груди. Теряя сознание от муки, он вслепую вцепился в полы одежд Цзян Ту:

— Учитель...

<http://bllate.org/book/19047/1988373>